

ГЛАВА 1

ПОСТОВОЙ

Андрей с трудом нашел работу на кирпичном заводе. Работа садчика тяжелая, надо закатывать тяжелые вагонетки с кирпичом-сырцом в раскаленные печи обжига. Он обливался потом, мышцы после работы ныли, в цеху сквозняки. Но и этой работе он был рад. После войны мужчин вернулось в родные края много, целая армия. Кто-то на радостях, что война окончилась, пить начал, отмечая возвращение, другие устроились в артели и на заводики. Была небольшая часть, подавшаяся в криминал: торговали краденными вещами, грабили по ночам. При любых катастрофах в стране грязная пена всегда наверх всплывает. Да и то взять: в армию нормальных мужиков призвали, вернулись с войны далеко не все, а кто вернулся — те с ранениями, контузиями или вообще инвалиды, без рук без ног. А уголовное отребье в лагерях отсиделось, многие вышли по амнистии в честь Победы.

Брали в армию и из лагерей, только желающих воевать из уголовников было немного. Осужденные

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

по политическим статьям — той же 58-й, на фронт рвались, но их не пускали. Как же! Враги народа: вдруг к немцам перебегут или того хуже — оружие против своих повернут. А уголовники — свои, из пролетариев, только оступившиеся. Вот и получалось, что лучшие на фронте воевали или сидели в лагерях, а уголовники всех мастей, воры, убийцы, грабители и насильники отсиживались в глубоком тылу, на казенных харчах. Да еще и в лагерях над политическими измывались.

Таких подробностей Андрей не знал. В армию его забрали в 42-м, самом тяжелом для страны году. Служил в пехоте, потом попал в полковую разведку. Как выжил в этой кровавой мясорубке, и сам до сих пор удивлялся. Ранен был неоднократно, но каждый раз легко, и потому искренне считал, что ему повезло. Потом, когда уже отгремели победные залпы салюта и их полк перевелся на Дальний Восток, он успел повоевать с японцами. Армия у них была многочисленная, в упорстве солдаты не уступали немцам, многие были просто фанатиками.

Только в 45-м году у наших был уже большой боевой опыт, да и в количестве и качестве боевой техники мы японцев превосходили. А их танки — те же «Ха-го» — так и застряли на довоенном уровне. У солдат винтовки, автоматов не было — как и ротных минометов.

В общем, разгромили японцев.

Демобилизовали его только в 1946 году. Страна ждала рабочие руки — ведь в тылу работали женщины, подростки да старики.

Мужики вернулись в форме, большая часть из них — при орденах и медалях. Но кроме как воевать, они больше ничего не умели, и гражданских специальностей у многих не было. Да и откуда им взяться, если на фронт после школы попали? И сотни тысяч заслуженных опытных танкистов, летчиков и ар-

ФРОНТОВИК. Без пощады!

тиллеристов враз оказались не у дел — переход оказался слишком резким и неожиданным.

Кому образование позволяло, уселись за парты в институтах и техникумах. И вроде зазорно было сидеть рядом с зеленой молодежью, но понимали — надо! Другие, кто школьные науки за годы войны забыл или учиться не желал, стали работу искать.

И тут выяснилось, что соискателей много. Потому даже тяжелой неквалифицированной работе Андрей был рад. Зарплата, продовольственные карточки — еще бы с жильем решить. Пока он жил у тетки на птичьих правах. У нее самой комнатуха восемь метров в коммуналке, повернуться негде, но пока она его не гнала — и на том спасибо.

Родители Андрея в войну под бомбежку попали и погибли — тетка ему об этом на фронт отписала. Он, конечно, погоревал — да что ж сделаешь? Не у него одного беда, у многих. С немцами только злее воевать стал. Последние два года в разведке служил, а там порядок жесткий: доставь «языка» живым, чтобы допросить можно было. Если была возможность захватить нескольких, скажем — в тыловом блиндаже, в живых он оставлял только одного. Мстил таким образом за родителей, своих и чужих — пусть в их проклятую Германию тоже похоронки придут. Россия — не Франция или Австрия, где немцев встречали с цветами.

Андрей был комсомольцем и на собрания ходил, как и все. Вот только в партию вступить не успел. Сталина до войны почти боготворил, как и многие его сверстники. А как на фронте побывал да повидал с армией Польшу, Германию и Чехию, узнал, как мир живет, — переменялось что-то в его сознании.

На фронте солдаты языки при себе держали: скажешь лишнее — попадешь к особисту. А потом и в штрафбат угодить можно.

Встречался Андрей со штрафниками. Нормальные парни и воевали неплохо. И хотя уже два года прошло

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

после Победы, он до сих пор просыпался по ночам в холодном поту — снились фронтовые ужасы.

Однако теперь жизнь мирная, хотя и очень тяжелая. С продуктами плоховато, одежда по талонам. На работу он ходил в армейском обмундировании, только без погон. Но не он один так — многие. Однако вероломного врага страна одолела, и теперь жизнь с каждым днем, с каждым годом лучше должна становиться. Оптимистом он еще был, поскольку на гражданке толком и не жил еще. Вся взрослая жизнь — в окопах.

Отработав месяц, Андрей пошел становиться на комсомольский учет в райком.

Усатый секретарь, парень его возраста, повертел в руках комсомольский билет:

— Фронтовик?

— Так точно, недавно вернулся. Германца бил, потом японца.

— Сержант, как я смотрю. И ранения есть? — Это секретарь углядел на гимнастерке нашивки за ранения.

— Точно.

— Хм! И — садчиком на кирпичном заводе?

— Жить на что-то надо, не всем же в райкоме сидеть, — обиделся Андрей.

— Мы тут, между прочим, не сидим, а работаем, где партия поставила. Награды есть?

— «Красная Звезда» и «За боевые заслуги».

— Так, хорошо... Посиди пока.

Секретарь вышел, а Андрей корил себя — почему не сдержался?

Через четверть часа секретарь заглянул в дверь:

— Идем со мной.

Андрей молча поднялся и пошел за секретарем.

Оба вошли в кабинет, находящийся этажом выше. Андрей успел прочитать на двери табличку: «Райком партии. Секретарь». Зачем его сюда?

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Из-за стола навстречу им поднялся средних лет мужчина в полувоенном френче, какие носили чиновники всех мастей, беря с вождя пример.

— Здравствуй, Фролов!

— Здравия желаю.

— Садись.

Андрей и секретарь комитета комсомола сели.

— Коротенько расскажи о себе.

Андрей рассказал о службе в армии, о разведке, о гибели родителей.

— Сирота, стало быть, — почему-то удовлетворенно подытожил секретарь. — Есть мнение направить тебя по партийно-комсомольскому набору в ряды рабоче-крестьянской милиции.

Андрей оторопел: ему показалось, что он ослышался. Только работу нашел — и вот, нате вам! Мнение-то у секретаря есть, только вот его, Андрея, мнения никто не спросил.

Однако лицо Андрея осталось бесстрастным. Он привык в армии приказы не обсуждать, даже самые нелепые. А в милиции снова служба, снова погоны... Да и что он умел, кроме этого?

— Чего молчишь? — Секретарь закурил папиросу, дохнул дымом.

— Так у меня же образования нет. И умения, соответственно, тоже.

— Там научат. После войны шпаны много появилось. Сам видишь — в милиции почти одни женщины. Их понемногу увольнять будут и заменять боевыми ребятами вроде тебя.

Уж больно неожиданным было предложение.

Пока Андрей раздумывал, секретарь размашисто расписался и протянул ему бумагу.

— Поздравляю. Это направление.

— А с работой как же? — растерялся Андрей.

— Пойдешь и уволишься. Тебе ответственное дело партия поручает. Можно сказать — доверяет.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

— Спасибо за доверие!

— Вот так-то оно лучше.

Андрей повернулся и вышел.

Вот попал! Видел он милиционеров на улицах — «орудовцев» в белых гимнастерках, с жезлами. И других милиционеров — в темно-синей униформе с наганами в желтых кобурах. Такие револьверы в конце войны только «нестроевики» носили — инженерный состав и медики. О! Ошибочка! Вспомнил Андрей, что еще у танкистов револьверы долго держались, потому как ствол «ТТ» в амбразуру для стрельбы в броне не проходил.

Всем неплох револьвер, да перезаряжать его хлопотно и долго. И потому для ближнего боя разведчики наши трофейные немецкие пистолеты имели, вроде «вальтера» или «парабеллума». Андрей даже с фронта «вальтер» привез. У немецкого генерала, что в плен уже на территории Германии взяли, изъял. И патроны привез — несколько пачек. На пистолете табличка именная. Конечно, его сдать положено было, только на фронте так делали не все. Сдашь какой-нибудь особый пистолет с накладками из рога на рукояти или гравировкой украшенный, глядь — а с ним уже «смершевец» ходит.

И многие фронтовики в «сидорах» подобные трофеи с фронта привезли. Иногда солдаты из семейных куски ткани везли или другое что — по мелочи. Офицеры же забирали трофейные мотоциклы, велосипеды... И все поголовно — наручные часы. До войны велосипед, часы — редкость.

Андрей постоял у райкома, раздумывая — ему сегодня в ночную смену идти надо было, и направился на завод. Там он написал заявление, получил расчет и трудовую книжку. Какое-то время он вертел ее в руках — никогда раньше не видел, вздохнул. Тяжелая работа садчиком, но заработок хороший. А в милиции... Приживется ли?

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Здание райотдела милиции было в трех кварталах от дома тетки.

Андрей вошел, подошел к дежурному и протянул ему направление. Тот оторвался от писанины:

— Ага, пополнение прибыло!

Дежурный с любопытством осмотрел вылинявшую гимнастерку Андрея, задержавшись взглядом на нашивках о ранениях:

— Фронтоник?

— Так точно.

— Нам боевые ребята нужны. Иди в кадры — первая дверь налево.

Андрей постучал, вошел.

Обстановка в кабинете была спартанской: несколько шкафов с бумагами, стол и два стула. А еще перегородка в двух шагах от двери, чтобы посетители дальше не прошли.

За столом сидел, судя по обильной седине и морщинам, уже очень немолодой мужчина. Не в пример дежурному, он изучил направление Андрея тщательно, едва ли не под лупой.

«Бдительность проявляет», — усмехнулся про себя Андрей.

— Воевал?

— Полковая разведка, — сразу уточнил Андрей.

— Звание?

— Сержант, — в подтверждение сказанному Андрей протянул красноармейскую книжку. Кадровик изучил и ее:

— Так, ранения были...

Полистал:

— ...и награды. Боевой хлопец. Пиши заявление, заполни анкету и давай фото.

— Фотографии у меня нет.

— Ай-яй-яй! Непорядок, непорядок! Через дом от нас фотоателье. Иди, пусть сфотографируют — два на три.

Андрей пошел фотографироваться.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Скучавший фотограф щелкнул затвором трофейной «Лейки»:

— За фотографиями придешь к четырем часам.

Пока Андрей заполнял бумаги, получал обмундирование и сапоги на складе, подошло время. Он получил фото и направился к кадровику — там ему выписали удостоверение с фотографией и печатью.

— Ну вот, теперь все честь по чести. Придешь завтра к восьми утра в шестой кабинет, к капитану Васильеву — он ведает постовыми.

Первый рабочий день Андрея прошел скучно — капитан вручил ему Уголовный кодекс:

— Читай и запоминай. Ты теперь представитель органов!

И Андрей весь день до рези в глазах изучал статьи. Но разве их сразу запомнишь?

На второй день капитан взял его с собой на обход территории, предварительно показав висящую на стене карту:

— Зона нашей ответственности: с востока на запад — от улицы Семилетки до улицы Чкалова, а с юга на север — от ветки железной дороги до улицы Трудовой. Участок большой, сложный: и притоны есть, и «малины» воровские.

— Что за «малины»?

— Вроде мест отдыха для уголовной братвы. Они там водку или самогон пьют, с девками общаются.

— Взять их да прихлопнуть!

— А за что? Они заявят — отдыхаем. Разве есть статья, чтобы за отдых — в «кутузку»?

— Так ведь они воры и грабители!

— А ты попробуй докажи! У него справка на руках есть, что он работает сапожником или заготовителем в артели «Свободный труд». Он не тунеядец, и по закону привлечь его к ответственности не за что. Улики надо иметь, доказательства веские, а еще лучше — на месте преступления взять, с потерпевшими и свидетелями.

ФРОНОВИК. Без пощады!

— О! Так их никогда не переловить!

— Ловим и сажаем! А социалистическую законность соблюдать надо. За нами закон, и мы его чтить должны.

Капитан и Андрей вышли из здания райотдела.

— Жалко, сотрудников у нас мало. Ну ничего! Война закончилась, мужики возвращаться стали. Пополнение пошло, боевые ребята — вроде тебя. Искореним преступность и заживем!

— Так из лагерей отсидевшие выйдут!

— Перекуются. Ты смотри: как война закончилась — народу послабление пошло. К каждому Новому году Указ — цены снижают. Пусть и ненамного, а душе приятно. Заботится о народе товарищ Сталин.

В ответ на это Андрей только вздохнул. Люди в общей массе одеты плохо, одежда все больше изношена, черных и серых цветов; лица у людей усталые. Если кто и смеется — так это дети и молодежь. А он видел, как бюргеры живут — где дома снарядами и бомбами не разрушены, как на картинке. И только у нас коммунальные квартиры с клопами и тараканами.

Капитан подошел к бабкам, торгующим семечками:

— Разойдись! Не положена стихийная торговля!

Бабульки молча собрали семечки в мешочки и отошли за угол.

— Товарищ капитан! Мы уйдем — они же вернуться!

— Обязательно! Им ведь тоже на что-то жить надо, внуков поднимать — после войны родители есть не у всех. Нешто я не понимаю? Не зверь какой!

— Тогда зачем гонять?

— Порядок должен быть, уважение к власти.

В сопровождении Андрея капитан обошел несколько точек, где несли службы постовые. У одного постового он оставил Андрея:

— Сержант Колоколов служит давно, службу знает. Участок сложный, но есть чему поучиться. Побудешь у него стажером.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

— Есть, — молодежато козырнул Андрей.

Капитан ушел.

— Ну, давай знакомиться, стажер. Старшина Колоколов, Василий Тимофеевич.

— Сержант Фролов Андрей, можно без отчества.

— Андрей, ты не вертись, днем тут спокойно. А вот как стемнеет, всякая шушера из щелей полезет — через кусты от нас железная дорога. Вот братва на «железку» ходит, вагоны вскрывает. Но «железка» — не наша вотчина, там транспортная милиция есть, военизированная охрана. Их задача — кражи не допустить. А уж если вора́м повезло да стянули что-нибудь, они сюда побегут. Тут уж не зевай, хватай. К тому же через железную дорогу люди ходят — на той стороне заводы да фабрики. Смена в одиннадцать ночи заканчивается, грабителям самое раздолье — особенно когда зарплата. Я уж и числа выучил. На «Большевике» шестнадцатого, а на «Коммунаре» десятого. И артели есть, но у них зарплату нестабильно дают, когда как. Сегодня у нас какое число?

— Вроде двенадцатое.

— Не «вроде», точно знать надо. Через четыре дня на «Большевике» зарплата будет. Работяги в пивные пойдут да в рюмочные — отметить. Представь: поздний вечер, работяга подвыпивший, железная дорога, кусты. Треснут по башке и оберут как липку. Очухается утром — башка болит, карманы пустые. Сам ли потерял с перепою или обобрал кто — не помнит.

Они сходили в столовую, пообедали.

— Слышал я — указ вышел на днях, усиливающий наказание за воровство и грабежи? — спросил старшина после обеда.

— Не читал еще. Мне капитан Васильев только Уголовный кодекс давал.

— В газетах было, но коротко. Стало быть, доведут еще до сведения.

ФРОНТОВИК. Без пощады!

Как позже узнал Андрей, речь шла об Указе от 4 июня 1947 года.

Москва входила в число городов особого списка органов милиции, наряду со столицами союзных республик — Минском, Киевом, Ригой, и портовыми городами — Одессой, Архангельском, Мурманском, Владивостоком. В этих городах наряду с территориальной милицией была военизированная.

Старшина, а с ним и Андрей, не спеша пошли по участку.

— Погоди, постой здесь.

Колоколов отошел в переулочек и коротко переговорил с пареньком в кепке-восьмиклинке — такие были сейчас в моде. Вид паренька Андрею не понравился: глаза постоянно бегают, сам какой-то приклатненный, с железной фиксой на переднем зубе.

Старшина вернулся:

— Это Сенька-форточник.

— Почему «форточник»?

— Через открытые форточки в чужие дома и квартиры лазит, вещи крадет. Причем ухитряется обокрасть квартиры, где хозяева спят.

— Арестовать надо его!

— А улики где? А заявления потерпевших? Кроме того, если не попался на краже, трогать его не надо. Информатор он, стукачок. Мы периодически с ним встречаемся, и если он что-то узнает от серьезных воров, то говорит.

— Хм, толково!

— А ты думал! Воры, когда они на «малине» да среди своих, похвастаться любят: где и кого обворовали, что взяли — вроде фартовые они. А для органов такая информация — дорожка к расследованию. Легче копать, когда знаешь, кто вор, своего рода зацепка.

Начало темнеть. Андрей устал — он не привык весь день стоять на ногах. В разведке больше лежишь, наблюдаешь или ползаешь.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Мимо них, опасливо косясь, потянулись старушки и женщины с ведрами и пустыми мешками.

— Куда это они?

— На «железку».

— А мешки и ведра зачем?

— Уголь собирать. С тендеров у паровозов или с вагонов куски угля падают, вот они их и подбирают. Кто помоложе да поразворотливее — на полувагоны лезут, сверху берут. Центральное-то отопление только в больших домах! Печи топить чем-то надо, а уголь, сам знаешь, по норме дают. Да и дорогой он.

Через час-другой от железной дороги потянулись эти же женщины. Кто нес угля полное ведро, у других же он был на дне мешка. На день топить хватит, а больше и не унесешь, тяжел уголек.

Старшина отворачивался, делая вид, что не замечает, Андрею же было женщин жалко. Многие вдовы, а если у кого-то муж и вернулся, то инвалид. Заработки низкие, а то и вовсе никаких нет, но выживать как-то надо.

Однако государство и власть к людям строги были. За несколько подобранных картофелин или колосков с зерном на уже убранном поле давали вполне реальные сроки. Власти нужны были заключенные, бесплатная рабочая сила. Многие предприятия, заводы и фабрики — тот же Беломорканал — были построены кровью и потом на костях тысяч эков.

На своем участке старшина служил давно и многих знал в лицо. Всех «несунов» не удержишь, а вот воров да с краденым на руках — обязательно.

Побаивались старшину, но и уважали. За мелкий проступок пожурит, внушение сделает. Увидит, что кто-то спяну куражится — скрутит, а то и в отделение отведет.

В десять вечера старшина снял фуражку с красным околышем и синим верхом, и вытер пот платком.

— Все, кончилось наше время, по домам пора. Утром приходи в отделение на развод, а потом сюда. Оружие-то пока не дали?

ФРОНТОВИК. Без пощады!

— Нет.

— Ну да, новичок. Как самостоятельно в наряды ходить будешь, вручат.

Андрей отправился домой, старшина — в райотдел, оружие сдать.

Андрей свернул в переулок. Еще сто метров, поворот направо, двести метров — и дом тетки. Быстрым шагом и десяти минут не будет.

Внезапно он услышал какую-то возню в кустах. «Собаки, что ли?» — подумалось.

Но из-за кустов донесся сдавленный вскрик, тут же резко оборвавшийся. Так бывает, когда человеку ладонью зажимают рот. Андрей такие звуки в разведке слышал, ошибиться не мог и потому, не теряя зря время, вломился сквозь кусты.

На земле смутно виднелись два силуэта. Женщину прижимал лежащий на ней мужчина. Одной рукой он зажимал ее рот. Налицо была явная попытка изнасилования.

Не раздумывая, Андрей сильно пнул мужчину в бок. Тот вскрикнул и попытался вскочить, но Андрей схватил его руку и заломил.

— Ты что же, паскудник, делаешь? — зашептал он ему на ухо. — На нары захотел?

Женщина, воспользовавшись тем, что ее перестали держать, вскочила и бросилась через кусты.

— Гражданка, подождите! — запоздало крикнул ей вслед Андрей. — Заявление надо... — Он не договорил.

Женщина убежала — Андрей слышал звук ее быстро удаляющихся шагов.

— Мусор, отпусти! Бабы нет, и заявления не будет!

По голосу чувствовалось, что насильник торжествует. Андрея же переполняла злость. Надо же — потерпевшая скрылась! Преступник прав: заявления не будет, и его просто отпустят. Ну — нет, коли срока не будет, преступник все равно не уйдет безнаказанным.

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Андрей резко дернул руку, которую все еще держал, вверх, и выкрутил ее. Раздался хруст костей, и насильник заорал от боли:

— А, сука! Плечо сломал!

Андрей резко ударил его ребром ладони в кадык. Крик захлебнулся, и преступник обмяк. Андрей отпустил его руку, и насильник безвольным кулем свалился на землю. Ногой Андрей добавил ему еще по ребрам.

Так, надо уходить — вопль насильника могли слышать в домах. Этот гад лица его не видел и опознать не сможет. Да и не пойдет он в милицию, иначе объяснять придется, почему на него напали. Зато заживать долго будет, в следующий раз подумает, приставать или нет.

Андрей пробрался через кусты, отряхнул форму и пошел домой.

— Что-то ты припозднился, — спросонья пробормотала тетка. — Вареная картошка на подоконнике в кастрюле, там же и селедка. Поешь.

— Утром.

Андрей разделся, повесил форму на деревянные плечики и улегся в постель. Устал он сегодня, да еще насильник этот! Он успел подумать, что о происшествии рапорт писать не будет, иначе обвинят в самоуправстве и превышении власти — с тем и уснул.

Утром его растолкала тетка:

— Андрей, пора вставать. Ты хоть поешь, вечером же не ужинал...

Андрей умылся. Вода из крана текла прямо ледяная, но сон сразу прошел.

Он съел миску вареной картошки с селедкой, выпил жиденького чаю. Ему было не привыкать к простой пище, на фронте бывало гораздо хуже. В наступлении полевые кухни зачастую отставали от войск, и они ели то, что удавалось найти у немцев в траншеях и блиндажах.

Начистив бархоткой сапоги, он оделся, посмотрел на себя в мутноватое зеркало. Вроде все в порядке.

ФРОНТОВИК. Без пощады!

У выхода из подъезда Андрей наткнулся на пацана лет двенадцати — тот жил этажом ниже. При виде его мальчишка что-то спрятал за спину.

— А ну, герой, покажи, что у тебя там!

Пацан нехотя протянул ему маленький пистолет. Андрей сразу узнал его: «маузер» калибра 6,35 мм — небольшой, карманный. Хлопушка по большому счету, но если в лоб да еще с близкого расстояния — то на-смерть.

Андрей забрал оружие.

— Где взял? — строго спросил он.

— У Мишки вчера в карты выиграл.

— Вот скажу отцу, он тебе уши надерет!

— Он утром рано уходит, а приходит за полночь!

— Где он у тебя работает?

— На номерном заводе. Дядя Андрей, не говори! Он ремнем больно отходит.

— Оружие — не игрушка. Вдруг выстрелит? Убьешь еще кого-нибудь невзначай.

Андрей сунул пистолет в карман.

— Брось играть в карты. Всегда найдется кто-то, кто играет лучше тебя, без порток оставит.

Сочтя воспитание соседа оконченным, Андрей отправился на службу. На разводе была переключка, наряды, а потом получение оружия.

После войны у милиционеров появились по штату пистолеты и револьверы. Во время войны короткоствольное оружие по большей части изъяли в армию, и постовые были на службе с винтовками. Неудобна она была для милицейской службы — длинна и тяжелая. В ближней схватке пистолет удобнее, тем более что у бандитов всех мастей оружия было в избытке.

Андрей подошел к Колоколову:

— Здравия желаю.

— Правильно желаешь. Сегодня ночью «вохровца» на станции зарезали, и из вагона обувь вынесли. Много, в руках столько не унесешь. Видать, машина была.